БЛЭКАУТ

Тесса Мэй

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Тесса Мэй

БЛЭКАУТ

«Автор»
2026

Мэй Т.

БЛЭКАУТ / Т. Мэй — «Автор», 2026

Мир погас в одночасье без предупреждений, не оставив ни единого огонька на горизонте. Электричество исчезло по всему миру и связь оборвалась, а вместе с темнотой на улиц вышло нечто, что не должно существовать.Ярослав Раевский привык доверять только себе. На лакроссном поле он — опасный соперник, но в новом мире это превращается в смертный приговор.Теперь его команда — "Чёрные Коты" — заперта в городе, где из-под двери доносятся чужие голоса, где силуэты неподвижно стоят под окнами, а пропавшие возвращаются лишь иногда. Только вот возвращаются ли они людьми?Чтобы выжить, Яр учится доверять тем, кого он итак едва терпел. В первую очередь — капитану команды, с которым они готовы перегрызть друг другу глотки. Но света больше нет, припасов становится меньше, а твари учатся говорить голосами тех, кто по-настоящему дорог тебе.Выживать приходится в мире, где работает лишь одно правило: если тебя однажды позовут в темноте по имени — не отвечай.

© Мэй Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
"Чёрные коты" 6
Пролог: Жечь Электричество 7
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Тесса Мэй
БЛЭКАУТ

Предисловие

Это был 2026 год. Год технологий и максимального удобства. Год, когда люди заказывали товары на Ozon и Wildberries, вызывали такси через «Яндекс Go» и ругались в комментариях с незнакомыми людьми.

Это был год, когда утро начиналось с Telegram, лента «ВКонтакте» никогда не заканчивалась, а YouTube мог затянуть на три часа, хотя ты вообще не собирался там сидеть. Кто-то снимал ролики для TikTok, кто-то выкладывал фотографии в Instagram[1], а кто-то просто листал мемы в три часа ночи, хотя завтра нужно было на пары.

У каждого второго был Samsung или iPhone, у каждого третьего — подписка, которую он забыл отменить, и психовал стабильно раз в месяц из-за списания денег. Люди в этот год покупали кофе за пятьсот рублей, жаловались на учёбу, работу и отсутствие денег, а потом снова покупали кофе за пятьсот рублей.

В университетах сдавали зачёты, в общежитиях ругались из-за грязной посуды на общей кухне, а на спортивных площадках всё ещё считали, что главное — победа. Я тоже так считал.

Меня звали Ярослав Раевский. У меня была команда, классная форма и целая куча проблем, которые казались важными.

Тогда я ещё не знал, что буду готов отдать всё, лишь бы снова услышать обычный шум машин за окном, увидеть сообщение от тренера или поругаться с кем-то.

Впрочем, тогда я вообще многого не знал.

Например того, что вся привычная жизнь рухнет в одно мгновение.

[1] Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

"Чёрные коты"

Состав студенческой команды по лакроссу

Ярославль, 2026 год

№1 — Серов Михаил Олегович, вратарь
№12 — Раевский Ярослав Андреевич, полузащитник
№9 — Кравцов Даниил Максимович, нападающий
№7 — Белов Леонид Игоревич, полузащитник
№5 — Миронов Виктор Павлович, полузащитник
№4 — Мельников Егор Сергеевич, защитник
№8 — Лапин Кирилл Андреевич, полузащитник
№15 — Громов Павел Денисович, вратарь
№11 — Беляев Никита Олегович, вратарь

Пролог: Жечь Электричество

«Будучи на пороге смерти, мы становимся сильнее.»
Танджиро Камадо (Клинок, рассекающий демонов)

12:43.

Если бы мне кто-нибудь сказал, что конец света наступит раньше экзамена по патологии, я бы, наверное, не поверил такой удаче.

В четверг у меня и без того обычно всё шло через жопу. Во-первых, пары. Во-вторых, тренировка. В-третьих, Данька Кравцов, который считал священным долгом испортить настроение всем и вся, кто находился в радиусе пяти метров. А в-четвёртых, я так и не выкинул йогурт, который лежал в холодильнике с февраля и уже начал вонять на всю съёмную квартиру.

В общем, конец света был не самым неприятным событием того дня. По крайней мере, в три часа ночи я именно так и думал.

Меня зовут Ярослав Раевский. Яр, Ярик, Яра. В зависимости от степени алкогольного опьянения собеседника, его отношения ко мне и количества свободного времени, что он собирался потратить на моё раздражение, меня называли по-разному. Если же говорить конкретно обо мне… Мне двадцать лет, учусь на фармации, играю в лакросс за студенческую команду «Чёрные Коты» и периодически задумываюсь, не было ли решение поступить в колледж одной из самых тупых ошибок в моей жизни.

Обычно такие мысли посещают меня на парах, когда преподаватель в очередной раз начинает объяснять то, что я уже знаю, или когда Данька просит списать домашку, а потом сдаёт её с моими ошибками, потому что у самого мозгов не хватает на то, чтоб нормально списать.

В тот четверг я сидел на последней парте, смотрел в окно и пытался понять, почему Светлана Архиповна уже десять минут рассказывает одно и то же, но с разными интонациями. За стеклом моросил дождь. Небо над Ярославлем выглядело так, будто кто-то вылил на него ведро грязной воды и забыл протереть.

Телефон лежал на коленях. На экране светилось уведомление от Даньки.

Данька: Ты живой?
Я: Нет, я же с того света пишу.
Данька: Класс, спроси у мёртвых, как выучить фарму за неделю без подготовки.
Я: Спроси у матери, почему она тебя не утопила.
Данька: Она говорит, что я был слишком милым ребёнком, чтоб топить.
Я: Она тебе врёт. Все матери врут детям.
Данька: Вот поэтому у тебя и нет девушки.

Я посмотрел на экран, выгнув одну бровь.

Я: У меня есть команда.
Данька: Соболезную команде.

Я усмехнулся и убрал телефон.

Вот примерно так и выглядела моя жизнь. Никаких великих достижений, никаких предзнаменований и абсолютно никаких тревожных снов, в которых мёртвые родственники предупреждали бы меня о надвигающейся катастрофе. Только дождь, учёба, спортивная сумка

под ногами и необходимость вечером провести два часа с людьми, которых я иногда любил настолько сильно, что хотелось придушить.

Хотя насчёт последнего я бы не торопился с выводами.

Коты были обычной командой из девяти человек, если считать меня, и каждый из этих придурков был по-своему неисправим.

Начнём с Мишки. Он же — Михаил Серов. Он же — человек, который мог организовать тренировку, распределить обязанности, найти потерянные ключи за минуту и разрулить драку. Причём уходило на это не так много времени, а выглядел он при этом совершенно естественно. Если бы Мишка однажды проснулся в комнате, полной горящих тараканов, он бы сначала пересчитал их, потом вызвал пожарных и только после этого начал бы выяснять, кто устроил всё это.

Не знаю, как ему это удавалось. Наверное, в детстве его уронили в котёл с ответственностью. Другого объяснения у меня не было.

Он, к слову, был не из тех людей, кто повышает голос без необходимости. Именно поэтому, когда всё же повышал, даже Данька затихал. Правда, ненадолго, но мы ценили каждую секунду тишины.

В тот день сообщение от Мишки пришло в 15:05.

Мишка: Тренировка в 18:00. Кто снова забудет защиту, покупает пиццу на всех.

Данька: А если я голову забуду?

Мишка: Не выйдет, ты её на первом курсе потерял.

Лёнька: Статистически, вероятность того, что Кравцов когда-нибудь потеряет то, чего у него нет, стремится к нулю.

Данька: Я тоже тебя люблю.

Лёнька: Это не взаимно.

Лёнька был тем ещё занудой. Он легко мог испортить любой разговор одним-единственным предложением, начинающимся со слов «вообще-то». Если Данька верил в любую чушь, которую видел в интернете, то Лёнька не верил даже тому, что у него перед носом лежала собственная рука. Ему нужны были доказательства. Фотографии, расчёты и научные факты. А ещё желательно с контрольной группой и независимой экспертизой. Однажды Данька заявил, что видел в общаге привидение, и Лёнька потратил сорок минут, объясняя ему, как работает отражение света в оконном стекле. В конце концов Данька сказал, что привидение было голым, а Лёнька ответил, что это, скорее всего, был Егор после душа.

На этом научная дискуссия закончилась.

Егор Мельников, наш четвёртый номер, — доказательство того, что мышцы не всегда идут в комплекте с терпением, — узнал об этом через три дня и попытался засунуть Даньку в шкафчик. Егор считал, что некоторые конфликты лучше решать без лишних слов.

Он был сильным, шумным и прямолинейным. Если Мишка отвечал за порядок, то Егор отвечал за то, чтобы нарушители порядка потом долго вспоминали о своём поведении. При этом он никогда не бросал своих. Даже если ты был последним идиотом, который сам полез в драку, Егор сначала вытаскивал тебя, а потом уже объяснял, какой ты мудак.

Однажды он сказал мне, что не понимает, почему я постоянно нарываюсь на неприятности. Я ответил, что неприятности сами меня находят. Он же сказал, что это потому, что у меня лицо дебила. Тогда мы решили, что каждый останется при своём мнении, и ругаться не стали.

Данька Кравцов был катастрофой в человеческом обличье. Главный источник шума в нашей команде. Он мог свободно разговаривать с незнакомцем в очереди, с собакой у магазина, с автоматом по продаже кофе и, если бы мы не следили за ним, с собственной тенью.

Данька шутил, когда ему было весело, когда ему было страшно, когда он злился, когда ему было скучно и когда никто не просил его шутить. Особенно в последнем случае.

Его талант заключался в том, что он мог довести до белого каления даже человека, который только что вернулся из отпуска на Мальдивах. Я видел, как Мишка однажды закрыл глаза, сделал глубокий вдох и сосчитал до десяти после очередного замечания Кравцова. На счёте «восемь» он начал молиться. На «девять» попросил Бога забрать Даньку. А потом открыл глаза и отправил его наматывать круги.

Данька тогда пробежал три круга, вернулся и спросил, можно ли считать это кардиотренировкой.

Я не шучу. Он реально спросил.

Кирюха, наш восьмой номер, полузащитник и человек, который по неизвестной причине добровольно взял на себя обязанность мирить всех со всеми, был полной противоположностью Даньки. Кирилл умел слушать. Не просто делать вид, что слушает, пока ждёт возможности вставить своё мнение, а именно слушать. Из-за этого ему рассказывали то, чего не рассказывали остальным.

Включая меня.

Я не очень любил говорить о себе, потому что обычно людям было достаточно услышать первые три предложения, чтобы начать давать советы. А советы я терпеть не мог. Особенно если они были непрошеными.

Кирилл не советовал, пока его не просили. Иногда он просто сидел рядом и пил чай, пока ты сам не понимал, что собирался сказать. Это раздражало почти так же сильно, как Данькины шутки. Но по другой причине.

Пашка Громов, наш специалист по практическим вопросам, был самым тихим человеком в команде. Он редко говорил без необходимости, зато, если уж открывал рот, обычно сообщал что-нибудь полезное. Например, где дешевле купить нормальную экипировку, каким маршрутом быстрее добраться до поля или почему не стоит оставлять сумку под протекающей трубой.

Он увлекался туризмом и умел ориентироваться на местности лучше любого навигатора. Он мог один раз пройти по незнакомому району, а потом без карты вывести нас обратно. Я подозревал, что в его голове находился встроенный компас.

На вопрос, как он это делает, Пашка отвечал, что достаточно смотреть по сторонам. Мы тогда решили, что он издевается.

Никита был самым младшим из нас вместе с Виктором, хотя разница в несколько месяцев не мешала Никите считать себя взрослым, самостоятельным и вообще человеком, который уже всё понял о жизни. Он учился на рекламном направлении, постоянно снимал что-то на телефон и мог превратить любой момент тренировки в материал для социальных сетей.

Если кто-то падал, Никита первым делом проверял, не разбился ли телефон. Потом уже интересовался, жив ли пострадавший. Разумеется, это была шутка. Почти.

Виктор Миронов, пятый номер, был самым добрым человеком в нашей компании. Не в том смысле, что он никогда не злился или не мог послать кого-нибудь к чёрту. Мог. Ещё как мог. Просто ему редко приходило в голову, что человеку можно не помочь.

Витя всегда замечал, если кто-то забыл воду, если у кого-то порвалась перчатка или если Мишка уже третий день ходит с таким лицом, будто лично отвечает за все мировые проблемы. Он приносил запасные бинты, делился едой и мог задержаться после тренировки, чтобы помочь новичку освоить упражнение, которое остальные выучили ещё месяц назад.

Иногда мне казалось, что он просто не умел проходить мимо чужих неприятностей. Я не раз говорил ему, что однажды это его погубит. Витя смеялся и отвечал, что я слишком много читаю плохих новостей.

В тот четверг он прислал в чат фотографию своего обеда и сообщение с подписью:

Витя: Мужики, кто сегодня после тренировки за шаурмой?
Данька: Я.
Егор: Кто бы сомневался.
Данька: Я растущий организм.
Лёнька: Ты растёшь исключительно вширь.
Данька: Зависть — грех, Леонид.
Мишка: Сначала тренировка.
Я: Миш, ты когда-нибудь умрёшь?
Мишка: Надеюсь, позже тебя.
Я: Обнадёживает.

Я улыбнулся, убрал телефон в карман и наконец поднял голову. Преподавательница смотрела прямо на меня.

— Ярослав Андреевич, вы с нами?

— Морально — нет. Физически — пока ещё здесь.

Кто-то на первом ряду хихикнул.

Преподавательница сняла очки.

— Тогда, возможно, вы ответите на вопрос.

Вот так я и узнал, что конец света — не единственная вещь, способная заставить меня пожалеть о собственном существовании.

К шести вечера дождь усилился.

Я добрался до спортивного комплекса с мокрыми волосами, холодными пальцами и ужасным настроением. В раздевалке пахло сырой одеждой, резиной, старым деревом и чьим-то энергетиком. Лампочки под потолком гудели, а одна из них время от времени мигала.

Я заметил это, но не придал значения.

В России вообще мало что работает так, как должно. Лампочки мигают, трубы текут, двери заедают, а лифты издают звуки, словно в них поселился демон с хроническим бронхитом. Постепенно к этому можно привыкнуть.

Данька сидел на скамейке и пытался натянуть на ногу носок, который каким-то образом вывернулся наизнанку.

— Ты чего такой мокрый? — спросил он.

— Решил искупаться по дороге.

— В одежде?

— Да, блядь, в одежде. Тренд такой новый.

— Тебе не идёт.

— А тебе мозг не идёт, но ты же его носишь.

Кирилл засмеялся, Егор фыркнул, а Данька показал мне средний палец.

Я бросил сумку на скамейку и начал переодеваться.

На стене висела наша командная фотография. Девять человек в форме, девять одинаково довольных идиотов и один Мишка, который даже на снимке выглядел так, словно уже мысленно составлял план следующей тренировки.

Я стоял в середине, скрестив руки на груди. Двенадцатый номер. На фотографии у меня было такое лицо, будто меня силой втянули в эту авантюру.

— Смотри, какие мы красивые, — сказал Витя, заметив, куда я смотрю.

— Говори за себя.

— Да ладно тебе. У тебя нормальное лицо.

— Вить, ты слишком добрый для этого мира.

— А ты слишком злой.

— Это для баланса вселенной.

Он улыбнулся и протянул мне бутылку воды.

Я взял её.

— Спасибо.

— Не за что.

Вот и весь разговор. Никаких великих признаний, никаких последних слов, которые потом можно было бы вспоминать с надрывом. Просто бутылка воды в раздевалке, обычный четверг и человек, который хотел, чтобы у меня не болела голова после тренировки.

Если бы я тогда знал, сколько раз потом буду вспоминать эту мелочь, я бы, наверное, сказал ему что-нибудь получше. Но я не знал.

Мишка появился в дверях с планшетом в руках.

— Так, слушаем сюда. Сегодня работаем над передачами и быстрым выходом в атаку. Потом отработка позиционной игры. Не филоним.

— А если мы морально устали? — спросил Данька.

— Тогда устанете ещё и физически.

— Капитан, а можно мне индивидуальную программу?

— Можно.

Данька просиял.

— Правда?

— Да. Будешь бегать, пока не перестанешь задавать вопросы.

— Это тирания.

— Это спорт.

— Это нарушение моих прав человека.

— Ещё слово — будешь бегать с Егором.

Данька замолчал. Мы все посмотрели на Егора. Егор улыбнулся, и Данька тут же перекрестился.

Тренировка началась с разминки, и первые двадцать минут ничем не отличались от сотен других тренировок. Мы бегали, растягивались, перебрасывались мячом и ругались друг на друга. Никита дважды чуть не уронил телефон, пытаясь снять видео. Пашка поправил ему ремень на экипировке. Кирилл помог Вите затянуть перчатку. Лёнька объяснял Егору, почему тот неправильно распределяет нагрузку, а Егор отвечал, что если Лёнька ещё раз произнесёт слово «статистика», он проверит статистику его полёта до ближайшей стены.

Мишка сделал вид, что не слышит.

Я играл, потому что лакросс был одним из немногих занятий, во время которых моя голова наконец замолкала. На поле не было места мыслям о зачётах, деньгах, бытовых проблемах и о том, что в двадцать лет ты вроде бы уже должен понимать, куда движешься, но на деле просто пытаешься не забыть купить хлеб по дороге домой.

Там всё было проще. Мяч. Клюшка. Партнёры. Соперник. Движение.

Если ты ошибся, тебе говорили об этом сразу. Иногда матом. Иногда очень громко. Зато никто не заставлял тебя делать вид, что ты всё понял, когда на самом деле ты не понял ни хрена.

Я любил свою команду.

Мы были странной компанией, которая каким-то чудом научилась работать вместе. Мишка держал нас в рамках, Данька превращал любую тренировку в цирк, Лёнька сомневался во всём, Егор ломал то, что не удавалось убедить словами, Кирилл мирил поссорившихся, Пашка следил, чтобы мы не потеряли вещи и самих себя, Никита пытался сделать из каждого события контент, а Витя помогал всем, кому требовалась помощь.

А я? Я замечал, когда что-то шло не так. Я не был особенно умным. Просто у меня имелась дурная привычка смотреть по сторонам и запоминать мелочи. Кто опоздал. Кто не ответил на сообщение. Кто слишком долго молчит. Кто улыбается, хотя ему совсем не весело. Иногда это помогало, а иногда мешало спать.

В тот вечер я заметил, что лампы в спортзале мигнули ещё раз. Потом ещё.

— У нас опять проводка сбоит? — спросил я.

Лёнька поднял голову.

— В каком смысле?

— В прямом. Свет моргает.

Он посмотрел на потолок.

— Напряжение может колебаться из-за нагрузки.

— Спасибо, профессор. А я думал, это нам подмигивают.

— Если бы тебе подмигивали лампы, я бы рекомендовал обратиться к специалисту.

— Запишу тебя первым в список.

Мишка свистнул.

— Раевский, Кравцов, хватит болтать! Ещё десять передач — и меняемся.

Я поднял клюшку. Лампы снова мигнули. На этот раз дольше.

На мгновение всё помещение стало серым, словно кто-то вытащил из мира краски. Потом свет вернулся, и я услышал, как Никита выругался.

— Да что за хрень?

— Ничего, — сказал Лёнька. — Просто сбой.

— Ты так уверенно это говоришь, будто лично отвечаешь за электростанцию, — заметил Данька.

— В отличие от тебя, я умею объяснять очевидные вещи.

— А я умею объяснять тебе, где выход.

— Дань, — устало сказал Мишка. — Играй.

Мы продолжили. Через несколько минут свет погас окончательно. Не мигнул. Просто исчез.

Спортзал утонул в темноте. Где-то за стеной щёлкнуло оборудование. Мяч покатился по полу и остановился у чьей-то ноги. На секунду стало так тихо, что я услышал собственное дыхание.

Потом Данька сказал:

— Ну всё. Кто-то забыл оплатить электричество.

Никто не засмеялся.

— Телефоны достали, — распорядился Мишка. — Только не разбегаться. Проверим, что с освещением.

Я включил фонарик. Белый луч выхватил из темноты край разметки, сетку ворот и лицо Вити, который стоял рядом со мной.

— Нормально? — спросил он.

— Пока да.

Это была первая ложь, которую я произнёс в тот вечер. Вторая прозвучала через минуту, когда Данька спросил, страшно ли мне.

— Нет, — ответил я.

На самом деле мне было неприятно. Именно неприятно. Темнота сама по себе не пугала меня. Пугало то, как быстро она съела знакомое пространство. Ещё секунду назад я видел стены и лица товарищей. Теперь существовали только узкие круги света от телефонов и тени между ними. Мы слышали дождь за окнами и больше почти ничего.

Мишка попытался дозвониться администратору. Вызов не прошёл. Пашка проверил дверь в коридор и вернулся.

— Там тоже темно.

— Везде? — спросил Кирилл.

— Похоже на то.

— Бли-и-ин! Как же так? Бо-о-оже мой! — протянул я, закатив глаза.

Лёнька включил фонарик на телефоне и осмотрел экран.

— Может быть авария на подстанции. Если отключение массовое, мобильная связь тоже может перегрузиться.

— Слушай, Лёнь, — сказал Егор, — ты можешь хоть пять минут не объяснять нам, как устроен мир?

— Могу. Но тогда вы начнёте задавать вопросы.

— Я начну задавать вопросы, если ты не заткнёшься.

— Мужики, — вмешался Мишка. — Без этого. Сейчас проверим раздевалки, возьмём вещи и выйдем к главному входу. Если на улице тоже всё отключено, решим, что делать дальше.

— А если там зомби? — спросил Данька.

— Тогда ты пойдёшь первым, — ответил я.

— Почему я?

— Тебя не жалко. Да и мозгов у тебя нет.

— Я ненавижу вас всех.

— Взаимно, — сказал Лёнька.

Мы двинулись к выходу. Коридор был длинным и узким. Я знал его наизусть: серые стены, несколько шкафов, стенд с расписанием, дверь в техническое помещение и лампа, которая постоянно мигала даже в лучшие времена. Я проходил здесь сотни раз. Иногда с сумкой, иногда с клюшкой, иногда с таким количеством злости после проигранной игры, что мог бы пробить стену головой.

Теперь коридор выглядел чужим.

Фонарики выхватывали куски пространства. Остальное оставалось чёрным. Наши шаги отдавались от стен, и каждый звук казался громче обычного.

— Ненавижу такие места, — пробормотал Никита.

— Какие? — спросил Витя.

— Где темно и непонятно, что впереди.

— Тогда тебе лучше не смотреть фильмы ужасов.

— Я и не смотрю.

— Ты вчера прислал мне видео, где чувак ночует в заброшенной больнице, — напомнил Данька.

— Вообще-то это Дима Масленников[2]! И это другое!

— Ага, конечно!

Мы дошли до раздевалки. Мишка велел всем забрать вещи, не задерживаться и проверить, закрыты ли окна. Я закинул сумку на плечо, сунул телефон в карман и уже собирался выйти, когда услышал звук.

Он был тихий и едва различимый. Будто кто-то провёл ногтем по двери в дальнем конце коридора.

Я остановился.

— Вы слышали?

— Что? — спросил Кирилл.

Я поднял руку, призывая всех замолчать. Мы стояли неподвижно с минуту. Дождь стучал по окнам, где-то капала вода, а вдалеке гудел ветер.

Потом звук повторился. Три коротких царапанья.

Данька медленно повернул голову в сторону коридора.

— Это ещё что за хрень?

---

[2] Дима Масленников (Дмитрий Андреевич Масленников, род. 21 декабря 1994 года в Усть-Катаве, Челябинская область) — известный российский видеоблогер, телеведущий, музыкант и предприниматель.

— Может, кто-то остался в подсобке, — предположил Паша.

— Тогда почему он скребётся? — спросил Никита.

— Не знаю. Может, дверь заклинило.

Лёнька уже собирался сказать что-то про вероятность и механические неисправности, но Мишка остановил его жестом.

— Никто не идёт туда один. Паш, посмотри, есть ли другой выход. Егор, со мной. Остальные ждут здесь.

— Я с вами, — сказал Витя.

— Нет. Ты остаёшься с Яром и Кириллом.

— Миш—

— Это не обсуждается.

Мишка говорил спокойно, но таким тоном, что спорить с ним было бесполезно. Егор поднял телефон повыше. Его фонарик скользнул по стенам и остановился на двери в конце коридора.

Она была приоткрыта.

Я был уверен, что раньше она была заперта. Конечно, я не помнил каждую дверь в комплексе. Просто за ней находилось техническое помещение, куда нас никогда не пускали, а на ручке обычно висела металлическая цепь. Теперь цепь лежала на полу.

— Кто-нибудь видел, чтобы её открывали? — спросил я.

Никто не ответил.

Из-за двери донёсся голос.

— Эй?

Обычный человеческий голос. Мужской, негромкий и немного хриплый.

— Есть кто-нибудь?

Никита выдохнул.

— Ну вот. Там человек.

— Подожди, — сказал Мишка.

Голос повторился:

— Эй? Помогите мне.

Егор шагнул вперёд.

— Может, там охранник?

— Тогда пусть сам выйдет, — сказал Лёнька.

— А если он ранен?

— Тогда тем более ему не стоит лежать в техническом помещении.

Я посмотрел на дверь. Мне не нравилось, как звучал этот голос. Не потому, что в нём было что-то нечеловеческое. Наоборот. Он звучал слишком нормально и ровно. В нём не было ни паники, ни боли, ни раздражения. Человек, который просит о помощи в полной темноте, обычно хотя бы немного нервничает.

Этот же говорил так, словно читал текст с листа.

— Эй, — повторил голос. — Откройте.

И тут я понял, что слышал эту интонацию раньше. Не сам голос, а интонацию. Так говорил Данька, когда пытался убедить Мишку отпустить нас пораньше. Так говорил Никита, когда хотел выпросить у Егора запасные перчатки. И так же говорил я, когда в детстве просил мать не уходить из комнаты, пока не усну.

Последняя мысль пришла так резко, что я даже поморщился.

Мать.

Я не думал о ней уже несколько часов. Возможно, несколько дней. В последнее время я вообще старался не думать о ней слишком долго. Некоторые воспоминания не исчезают, сколько бы ты ни делал вид, что они тебе больше не нужны.

— Яр? — тихо позвал Витя.

— Нормально.

— Ты побледнел.

— У меня всегда такое лицо.

— Нет, не всегда.

Я хотел ответить, но голос за дверью снова заговорил.

— Ярослав?

Мир словно остановился. Не в переносном смысле. Я действительно перестал слышать дождь, шаги и дыхание товарищей. Всё исчезло, кроме собственного имени, произнесённого из темноты.

Ярослав. Не Яр. Не Ярик. Не Раевский. Ярослав. Так меня называла только она.

Я почувствовал, как холодеют пальцы на рукояти клюшки.

— Кто это? — спросил я.

Мишка резко повернулся ко мне.

— Ты знаешь его?

Я не ответил.

Голос за дверью принадлежал моей матери. Это был её голос. Тот самый мягкий, чуть усталый голос, который я слышал в детстве, когда возвращался домой поздно. Тот самый, которым она звала меня ужинать. Тот самый, который однажды перестал звучать в моей жизни.

Я знал, что это невозможно. Я знал, что она умерла. Я знал, что за этой дверью не могло быть никого, кто имел бы право произносить моё имя так, как произносила его она.

Но голос всё равно звучал.

— Ярослав, — сказала мать. — Открой, пожалуйста.

У меня пересохло во рту.

Данька перестал шутить. Лёнька больше не пытался объяснить происходящее. Даже Егор, который обычно бросался вперёд, прежде чем успевал подумать, застыл на месте.

Мишка медленно поднял руку, показывая всем не двигаться.

— Яр, — произнёс он тихо. — Не подходи к двери.

Я не собирался. По крайней мере, мне хотелось в это верить. За дверью послышался тихий стук. Один раз. Второй. Третий.

— Сынок, — позвала мать. — Мне холодно.

Я закрыл глаза. Это была ошибка.

В темноте я услышал её ещё отчётливее. Вспомнил, как она стояла у окна, как поправляла мне воротник перед школой, как смеялась, когда я пытался приготовить завтрак и сжёг хлеб. Вспомнил, как она произносила моё имя, когда сердилась, и как смягчала голос, когда понимала, что я вот-вот расплачусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.